

А. Л. Вольский

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

МНОГОЛИКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

В основе созданного модернизмом немецкого национального мифа лежит представление о дуализме немецкой души и дуализме самой Германии, раздвоенной между реальностью и идеалом, или, по Томасу Манну, между политикой и музыкой. В статье рассматриваются некоторые яркие примеры интерпретации немецкого национального мифа, анализируется проблема его генезиса, становления и кризиса, проводится сопоставление с понятийной парой «культура и цивилизация». Заключительная часть статьи посвящена интерпретации немецкого национального мифа в докладе Манна *Германия и немцы* (1945), содержащей критику идеи двух Германий.

Ключевые слова: национальный миф; Германия; культура; цивилизация; самоуглубленность; искусство

1. Структура немецкого национального мифа, его генезис и становление

Лейтмотивом рассуждений немцев о своей национальной идентичности является тезис о ее неопределимости, что побуждает их к постоянному самоанализу. Ф. Ницше говорит: «Характеристичен для немцев тот факт, что их вечно занимает вопрос: «что такое немецкое?» (НИЦШЕ 1990: 363). Спустя почти полвека, в годы Веймарской республики, Г. Бар записывает в дневнике:

«Немец, похоже, окончательно свихнулся на свой собственной сущности, которая якобы должна исцелить весь мир,¹ он больше не доверяет своей интуиции и всех донимает вопросом, что такое немецкое» (ВАНР 1925: 78).

Уже в силу срединного географического положения и происхождения, будучи продуктом «чудовищного смешения и скрещивания рас», немцы, полагает Ницше, являются

«по натуре более непостижимыми, более широкими, более проти-

¹ Фраза из стихотворения Э. Гейбеля *Немецкое призвание* (1861) «Am deutschen Wesen mag die Welt genesen» стала политическим лозунгом немецких националистов.

воречивыми, менее известными, труднее поддающимися оценке, более поражающими, даже более ужасными, нежели другие народы в своих собственных глазах, — они ускользают от определения и уже одним этим приводят в отчаяние французов» (Ницше 1990: 363).

Корень этой неопределимости в романтической бесконечности и универсализме немецкой души, которая, если рассматривать ее логически, предстает как парадокс и антиномия, проявляющиеся в вечном колебании между высоким и низким, плотским и духовным, сознательным и бессознательным, природой и культурой, добром и злом, национализмом и космополитизмом, гуманизмом и варварством.

Одним из самых известных исследований на эту тему в XX в. стала вышедшая в 1937 г. в Швейцарии книга немецкого культуролога Эриха Калера *Немецкий характер в истории Европы*, высоко оцененная современниками, в частности Т. Манном. В ней Калер так говорит об амбивалентности немцев:

«Они замкнуты и общительны, покорны и мятежны, миролюбивы и задиристы, педантичны и восторженны, простосердечны и вероломны, легковерны и недоверчивы» (KANLER 1937: 29f.).

Немецкая душа никогда не стоит на месте, она всегда в движении от одного полюса к другому и оттого не поддается четкой фиксации. Вот почему вопрос «что такое немецкое?» Ницше предлагает заменить вопросом «что такое *сейчас* немецкое?» (Ницше 1990: 364), потому что определение немецкой идентичности всегда обусловлено временем и изменчиво.

Дуализм воспринимался немцами и как проблема, и как стимул к развитию. Развитие, изменение, становление, продолжает Ницше, в том же фрагменте, суть идеи, которыми немцы обогатили человечество (Ibid.). Если далее под развитием понимать синтез противоположностей, то самые великие достижения немцев в области культуры — диалектику Гегеля, контрапункт Баха, светотень Рембрандта, музыкальные драмы Вагнера — можно считать не просто духовными прозрениями, а синтетическими формами осознания немцами собственной противоречивой сущности, иными словами, самопознанием.

Мифологеме раздвоенной немецкой души соответствует и немецкий национальный миф, в основании которого лежит противопоставление двух Германий — реальной и идеальной, дей-

ствительной и духовной, или, по выражению историка идей Ф. Мейнеке, двуединства немецких наций — политической и культурной («Staatsnation und Kulturnation») (MEINESKE 1908) Мейнеке сформулировал данную оппозицию в XX в., но осознана она была еще на заре модернизма, маркируя его начало. Так, Шиллер в *Ксенниях* противопоставляет «ученую», т. е. духовную Германию Германии политической и подчеркивает их несовместимость:

Deutschland, aber wo liegt es? Ich weiß das Land nicht zu finden.
Wo das Gelehrte beginnt, hört das Politische auf. (SCHILLER 1962: 267).

Идея немецкого дуализма была воспринята и развита романтиками. И хотя Генрих Гейне на излете романтической эпохи уже подсмеивается над ней, тем не менее даже он ее не отвергает:

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем.
Зато в воздушном царстве грез
Мы с кем угодно поспорим.
Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.
Как жалко ползают по земле
Все нации другие! (ГЕЙНЕ 1971: 439).

В 1915 г. немецкий филолог Норберт фон Хеллинграт произнес в Мюнхене речь под названием *Гёльдерлин и немцы*, ставшую одним из самых ярких манифестов немецкой национальной идентичности XX в.

Центральное значение для Хеллинграта имеет идея двух Германий. Первая Германия — это Германия Гёте. Немцы известны всему миру как «народ Гёте». Но Гёте олицетворяет лишь «внешнюю», «экзотерическую» Германию. Внутри Германии — Гёте, в ее внутреннем ядре, живет и другая Германия, неизвестная не только остальному миру, но и большинству самих немцев — это Германия Гёльдерлина. Внутренней формой этой Германии является не бытие, а становление, не настоящее, а будущее. Эту Германию Хеллинграт называет «geheimes Deutschland» («тайной Германией»), а ее народ — «народом Гёльдерлина» (HELLINGRATH 1922: 10–42).

Происхождению идеи двух Германий давались разнообразные толкования. Социологи объясняли ее внешними причинами: политической раздробленностью и экономической отсталостью Германии, вызванной, в первую очередь, последствиями

Тридцатилетней войны XVII века, который Г. Плеснер называет «упущенным столетием» («das versäumte Jahrhundert»).

Согласно Плеснеру, эта война затормозила политическое развитие страны, сделав немцев «опоздавшей нацией» («die verspätete Nation») (PLESSNER 1959). Те демократические реформы, которые в эпоху Просвещения были подготовлены и проведены в передовых странах Европы, так и не были осуществлены в Германии. Вот почему созданная Бисмарком в 1871 г. Германская империя представляла собой причудливое и опасное сочетание архаических форм государственности, полуфеодального общественного устройства с передовыми достижениями научно-технического прогресса (Ibid.: 94).

Поражение в Первой мировой войне, полагает Норберт Элиас, отбросило Германию к истокам ее государственности, по сути, в XVII век, когда на ее территории хозяйничали иностранцы, заставив немцев заново пережить чувство глубочайшего национального унижения. Веймарская республика не смогла залечить психологическую травму войны, что дискредитировало демократическую идею и подтолкнуло немцев искать выход из политической и экономической депрессии в архаической, нецивилизованной форме социальной жизни, коей и стал немецкий фашизм (ELIAS 2005).

Но ведь можно рассуждать и иначе: экономическое и политическое запаздывание Германии есть обратная сторона ее специфической духовности. «Все быстрое — символ, сравнение», говорит Гёте. Для немца весь внешний миропорядок — политическая система, общественный строй, социальные учреждения и т. п. — изначально представлял собой нечто вторичное, несовершенное, подобие мира внутреннего.

Сущность этой духовности описывается специфическим и многозначным понятием «самоуглубленность» («Innerlichkeit»), обозначающим всю совокупность феноменов внутренней жизни человека. Это понятие, введенное Ф. Г. Клопштоком в язык немецкой культуры, стало в XVIII — XX вв. обобщенной характеристикой национальной немецкой ментальности, получив название «немецкая самоуглубленность» («deutsche Innerlichkeit») (CHRISTOFFEL 1940).

Истоки этого понятия следует искать в средневековой немецкой мистике, в частности, у Майстера Экхарта, который ввел в

немецкое богословие и философию такие, характеризующие бытие Бога и религиозную жизнь человека понятия, как «отрешенность» («Abgeschiedenheit»), «смиренномудрие» («Gelassenheit»), «внутренний человек» («innerer Mensch»), «дно души» («Seelengrund»), «искра» («Funken») и др., которые предопределили вектор развития немецкой культуры как культуры по преимуществу внутренней и индивидуальной. От Экхарта через богословие Лютера, мистику барокко и пиетизм эти идеи перешли в философию и литературу, обретя свое высшее воплощение в немецкой философии, романтизме, немецкой музыке (ГУЧИНСКАЯ 2001: 24–27).

Поэтому вопреки всем политическим катастрофам, которыми была так богата история Германии, немцы не переставали верить в гуманистическую миссию национальной культуры. Достаточно вспомнить такие ключевые тексты немецкой культуры, как *Немецкое величие* Ф. Шиллера, *Речи о немецкой нации* И. Г. Фихте, *Песнь немца* Ф. Гёльдерлина, чтобы оценить то значение, которое в Германии уделялось идее внутреннего мира и специфически немецкого «пути внутрь» (BOLLNOW 1953):

«Мы грезим о путешествиях во Вселенной, не в нас ли Вселенная? Богатства нашего духа нам неведомы. — Внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами, прошлое и будущее» (НОВАЛИС 2014: 88).

Природа самоуглубленности — эстетическая по преимуществу. Не будучи удовлетворен миром объективным, не находя в нем для себя места, немец, как Гётевский Вертер, уходит в себя и открывает, а точнее создает свой собственный мир — художественный, для которого внешний мир — это только подсобный материал, исходная точка для создания мира эстетического.

2. Немецкий национальный миф в контексте оппозиции культуры и цивилизации

Одной из ближайших вариаций антитезы двух Германий является типично немецкое противопоставление культуры и цивилизации, которое, начиная с Канта, красной нитью проходит через всю историю немецкого модернизма. Эта антитеза возникла в среде бюргерской интеллигенции и стала основой ее социально-культурной легитимации (ELIAS 2005: 34–56).

Все внутреннее, животворное, творческое, возвышенное, истинно духовное и религиозное принадлежит культуре, все внешнее, механическое, поверхностное, профанное, подража-

тельное, техническое, омертвелое — цивилизации. Человек культуры — это внутренний человек, формирование которого должно стать главной целью образования. На воспитание такого человека была направлена реформа немецкого университета, у истоков которой стояли И. Кант и В. фон Гумбольдт (BORCHMEYER 2019: 678–726).

«Образование и развитие личности — это элементы культуры, в то время как чисто практические и технические вещи относятся к области цивилизации» (HUMBOLDT 1994: 30).

Для обретения смысла жизни стремиться нужно к культуре, в то время как цивилизацией при всей ее полезности и практичности можно пренебречь. Культура естественна, она — дитя природы, цивилизация — порождение (порочного) общества. Кант говорит, что «наука и искусство — это культура, а всякого рода вежливость и учтивость, внешняя пристойность относятся к цивилизации», и сетует на то, что современное общество плохо отличает одно от другого (КАНТ 1966: 18).

Искони Германия считала себя страной культуры, а воплощением цивилизации — романский мир, прежде всего Францию. Антитезой немецкой культуры и французской цивилизации открывается программное эссе Рихарда Вагнера *Немецкое искусство и немецкая политика*, написанное незадолго до франко-прусской войны (1868). Франция для Вагнера — страна цивилизации, т. е. бездуховного материализма, выборной демократии, финансовой олигархии, ставших симптомами европейского декаданса, преодолеть который призвана немецкая культура (WAGNER 1868).

Антитеза немецкой культуры и французской цивилизации особенно подчеркивалась во время Первой мировой войны. Так, в *Размышлениях аполитичного* Манн пишет:

«Немецкое, это культура, душа, свобода, искусство, а не цивилизация, общество, выборное право, литература» (МАНН 2015: 30).

Своего брата Генриха, который сочувствует Франции, он насмешливо называет «литератором цивилизации» (Ibid.: 49).

Если антитезу культуры и цивилизации спроецировать на сословные отношения, то ей будет соответствовать противопоставление бюргерства и дворянства. В отличие от Франции, где дворянство долгое время играло прогрессивную роль интеграционной общественной силы, дворянство в Германии всегда (ис-

ключение, возможно, составляет период 1870 — 1918 гг.) буржуазной интеллигенцией всегда воспринималось как политически реакционное и антинациональное.

В сфере культуры немецкая аристократия ориентировалась на Францию и подражала французским вкусам. К примеру, Фридрих Второй мог сколько угодно воевать с Францией, но одновременно, не видя в том никакого противоречия, насаждать в культуре вкусы французского классицизма, приглашать в Берлин французских ученых, писать письма и сочинения на французском языке. Таковую галломанию высшего общества немецкое бюргерство презирало и отрицало.

В отличие от блестящей французской или английской знати, из чьей среды вышло немало выдающихся ученых и поэтов, немецкая знать была за редким исключением малообразованной. Бездуховность высших слоев немецкого общества — одна из важных тем гётевского романа *Годы учения Вильгельма Мейстера*. Характерное высказывание на эту тему Гёте делает в разговоре с Эккерманом 23 октября 1828 г., когда речь заходит о великом герцоге Карле Августе: «Такая разносторонняя образованность, по-видимому, редко присуща августейшим особам», — предполагает Эккерман. «Крайне редко!» — подтверждает Гёте. — «Многие из них, правда, умеют искусно поддерживать беседу о чем угодно; но это не изнутри, они лишь скользят по поверхности, что, впрочем не удивительно, если принять во внимание, какая ужасная рассредоточенность и суета свойственна придворной жизни...» (ECKERMANN 1999: 697–698).

Сословному (внешнему) аристократизму дворян бюргерское сознание противопоставляло внутренний аристократизм нравственности и творческой продуктивности. Этот социальный мотив становится лейтмотивом литературного творчества второй половины XVIII в. Мы встречаем его в *Эмили Галотти* Лессинга, в *Вертере* и *Торквато Тассо* Гёте, в *Коварстве и любви* Шиллера.

В шиллеровской драме *Разбойники* истинно германский герой и носитель бюргерской морали Карл Моор противостоит ловкому и галантному злодею, поборнику сословных привилегий Францу, само имя которого содержит недвусмысленный намек. У Гёте рыцарь-демократ Гец фон Берлихинген сражается против цивилизованного политика, епископа бамбергского, при дворе которого плетутся интриги на французский манер.

Противопоставление лицемерно-женственной цивилизации и простодушно-мужественной культуры — центральная тема шиллеровской *Перчатки* — подобные примеры можно множить.

Княжескому двору как антинациональному политическому центру власти среднее сословие противопоставило свой национальный центр — культурный. Им стал немецкий университет. В образованности бюргерство усматривало достойную альтернативу знатности, ибо в процессе образования человек, заново создавая свою личность, создает себе и новую (духовную) родословную и биографию.

Бюргерская культура самоуглубленности, таким образом, является той тайной, внутренней, духовной Германией, о которой говорилось выше. Напротив, «внешняя» Германия, сначала дворянская, а потом империалистическая и фашистская реализовывает себя в сфере политики и внешних сторон жизни.

«Истоки легитимации буржуазной интеллигенции XVIII века, — пишет Элиас, — основания ее самосознания и гордости находятся вне сферы политики. Они заключаются в том, что именно в Германии получило имя «чистого духа», — в книгах, в науке, религии, искусстве, философии, в обогащении внутреннего мира, в «воспитании» индивида...» (ELIAS 2005: 75).

3. Размышления о немецкой идентичности в докладе Томаса Манна *Германия и немцы*

Одним из самых ярких сюжетов на тему двух Германий является полемика между двумя политическими эмигрантами — Т. Манном и Б. Брехтом.

Концепция двух Германий получила свое развитие в годы фашизма, когда Германия как бы вновь разделилась. Одной ее частью стали немецкие эмигранты-антифашисты, считавшие себя представителями демократической и гуманистической, «доброй» Германии. Другой частью был так называемый Третий рейх, воплощавший политическое насилие и антигуманизм. Одна из главных интенций антифашистского сообщества состояла в том, что добрая Германия ничего общего не имеет с преступной Германией Гитлера. Так, в 1943 г. в Советском Союзе был создан Национальный комитет с характерным названием «Новая Германия» во главе с Эрехом Вайнертом. Вскоре подобный комитет возникает и в США, одним из активных участников которого был Брехт. Живя в Америке, Брехт активно участвовал в

работе «Свободного комитета», который должен был убедить союзников в существовании антифашистской, «другой Германии», которая сможет позаботиться о послевоенном устройстве страны. Будучи коммунистом и сторонником идеи классовой борьбы, Брехт искренно верил в невиновность большинства немцев, особенно рабочих и крестьян, которые, по его мнению, были просто обмануты Гитлером. Он и его единомышленники предлагали Манну, как наиболее авторитетному из всех немецких эмигрантов, вступить в эмигрантское движение и даже возглавить его. Это предложение Манн после некоторых колебаний и к большой досаде Брехта отклонил (BORCHMEYER 2019: 871–896).

Свою позицию Манн наиболее четко сформулировал в докладе *Германия и немцы* (1945), где он отвергает идею двух Германий. Его главный тезис звучит так:

«Нет двух Германий, доброй и злой, есть одна-единственная Германия, лучшие свойства которой под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла. Злая Германия — это и есть добрая, пошедшая по ложному пути, попавшая в беду, погрязшая в преступлениях и теперь стоящая перед катастрофой» (МАНН 1960: 324–325).

Несмотря на то, что у Манна имелись не только все формальные основания, но и полное моральное право выступать от имени «доброй» Германии и заклеить «злую» Германию, которая в свое время лишила его родины, дома и гражданства, он избрал иной ракурс рассмотрения. Он смотрит на Германию и немцев не глазами политического эмигранта, а глазами немецкого писателя.

Его знаменитые слова «Германия — там, где я», сказанные по прибытии в Нью-Йорк, были не громкой фразой вроде «Государство — это я», а реальностью трагического самоощущения великого художника, который даже при желании не может отделить свою личность от своего народа. Поэтому немецкий писатель, волею судьбы оказавшийся в стане торжествующих победителей, просто-напросто не имеет экзистенциальной возможности отречься от своей родины и заявить: «Я — добрая, благородная, справедливая Германия; смотрите, на мне белые одежды. А злую я отдаю вам на растерзание» (МАНН 1960: 325). Его размышления о судьбе Германии являются не критикой, но, говоря словами Ницше, самокритикой, иначе говоря, опытом самопознания.

Что же является тем лучшим немецким свойством, которое «под влиянием дьявольской хитрости превратилось в олицетворение зла»? Им является то, что для немцев было, как говорится, «дороже всех святых», та пресловутая немецкая самоуглубленность, породившая не только великую гуманистическую культуру Гёте, но и антигуманное варварство Гитлера.

Для доказательства своей мысли Манн предпринимает экскурс в историю немецкой самоуглубленности с целью ее ревизии и анализирует ее центральные духовные феномены: Реформацию — романтизм — музыку, внутреннюю проблематичность которых раскрывает.²

Главную антитезу немецкой идентичности он представляет как антитезу музыки и политики:

«В чем же состоит эта глубина, как не в музыкальности немецкой души, в том, что называют ее самоуглубленностью, иначе говоря, в раздвоении человеческой энергии на абстрактно-спекулятивный и общественно-политический элемент при полнейшем преобладании первого над вторым?» (Ibid.: 309).

У истоков немецкой самоуглубленности стоял великий религиозный реформатор Мартин Лютер, провозгласивший веру основой религиозной жизни, утвердивший принцип свободы совести и тем самым заложивший основы индивидуалистической, «фаустианской» культуры Германии и всего Запада.

Парадокс, однако, заключается в том, что Лютер понимал свободу исключительно как свободу религиозную, т. е. *внутреннюю*. Рассуждая о свободе *христианина*, он ничего не хотел знать о свободе *гражданина*. Равнодушие Лютера к политической свободе обнажила Великая крестьянская война, в которой он, открыто приняв сторону князей и требуя убивать восставших крестьян «как бешенных псов», дискредитировал идею политической демократии.

Создав немецкую культуру самоуглубленности, Лютер привил немецким интеллектуалам презрение ко всей сфере политической жизни, которая воспринималась как нечто мертвое,

² Здесь у Манна, безусловно, ощутимо влияние Достоевского. Доклад подготовлен в контексте работы над XXV главой романа *Доктор Фаустус*, темой которого является написанный под влиянием Достоевского разговор Адриана Леверкюна с чертом.

пошлое, недостойное порядочного человека, получив пренебрежительное прозвище «цивилизация».

Лютеровское понимание свободы как исключительно внутреннего феномена предопределило немецкое понимание свободы на века вперед. Принцип трансцендентализма, который впоследствии утвердил в этике Кант, был, по сути своей, лютеранским, ибо Кант, отстаивая принцип автономной воли, свободу политическую высоко не ставил.

Немец был лишен политических прав, как до объединения Германии, так и после него. Бисмарк, объединив Германию в мощную империю, был весьма далек от того, чтобы дать ее гражданам политические права. Немцы, превратившие Германию в грозивший всему миру бронированный кулак, внутри собственной страны продолжали оставаться бесправными:

«Закоренелый индивидуализм немцев по отношению к миру, к Европе, к цивилизации прекрасно уживался с удивительной внутренней несвободой, незрелостью, тупым верноподданничеством» (Ibid.: 314).

Все попытки цивилизовать немцев, в частности, привить им основы демократического государственного устройства терпели в Германии поражение — Крестьянская война 1525 года, освободительная война 1813 года, буржуазная революция 1848 года и, наконец, революция 1918 года, которая после хрупкой и кратковременной Веймарской республики завершилась фашистской диктатурой.

Другой высокой формой самоуглубленности был немецкий романтизм, посредством которого немецкий дух выступил против плоского материализма, самодовольного здравомыслия Просвещения, и который представлял собой, по выражению Манна, «бунт музыки против литературы» (Ibid.: 321), если понимать под литературой исключительно рационально-риторическое отражение реальности.

В эпоху торжества материализма и рационализма именно романтизм обратился к метафизической, демонической, стихийной стороне бытия, грезил о неорелигиозном синтезе и всеединстве мировой жизни, возвел творчество в ранг религиозной теургии, оправдал спонтанную страсть, раскрыл трансцендентную функцию болезни, привлек внимание ко всему запретному, что рационализм либо вовсе отрицал, либо трусливо игнорировал.

Однако, с другой стороны, романтизм, «обуянный гордыней жизни и смерти, пренебрег возможностью взять от Европы, от духа европейской веры в человека, европейского демократизма какие-нибудь полезные для себя истины» (Ibid.: 324).

Поэтому закономерно, что его политическим следствием, так сказать, «техническим» продолжением его идей, стала бронированная империя Бисмарка, ничего общего не имевшая ни с демократией, ни со свободомыслием, ни с республиканизмом и ввергшая Германию в Первую мировую войну.

Высшей формой самоуглубленности была немецкая музыка — самое прекрасное и высокое из того, что было создано немцами. Но характер немецкой музыки специфический. В Германии развивалась, в первую очередь, гармоническая, а не мелодическая музыка, инструментальная музыка всегда преобладала над музыкой вокальной, т. е. музыка абстрактная, чуждая внешнему миру, индивидуалистическая.

Но наряду с национальными особенностями немецкой музыки в самой музыке, в музыке как таковой, имеется двусмысленность: «Она точнее расчисленный порядок — и хаос первоизданности в одно и то же время» (МАНН 2015: 308–309).

В отличие от классическо-романтической эпохи, видевшей в музыке исключительно светлое и гуманистическое искусство, Манн, следуя за Ницше и Кьеркегором, настаивает:

«Музыка — область демонического. <...> Она есть христианское искусство с отрицательным знаком» (Ibid.: 309).³

Названные формы самоуглубленности характеризуют протест немецкой безмерности против всего конечного, ложного, плоского и пошлого, что было в жизни и культуре. Еще в *Размышлениях аполитичного* Манн со ссылкой на Достоевского говорит об извечном протестантизме немцев, которые еще задолго до Лютера, с победы в Гевтобургском лесу, были протестантами (Ibid.: 45).

В Средние века и Новое время именно немцы выступили против универсализма римского мира как универсализма ис-

³ Подробно эта тема развивается в романе *Доктор Фаустус*, в частности, в его XXV главе (разговор с чертом), которая образует художественный контекст доклада *Германия и немцы*, но и здесь речь идет об обольщении интеллекта демоническим хаосом музыки.

ключительно политического, в котором небесное было подчинено мирскому. С этим политическим универсализмом Рима немец никогда не мог и не желал примириться и всегда нападал на него. Следовательно, не только историческое лютеранство, но романтизм, немецкая философия, психоанализ и музыка стали формами немецкого протеста и выступления за более глубокое и правдивое понимание Бога и человека.

Однако в этом отрицании всего существующего, налично-данного, в том числе политически-общественного таилась и великая гордыня немца: под знаменем борьбы за высшую правду немецкий дух надменно бунтовал против мира Божьего, по-карамазовски «возвращал билет».

А из этого следует, что, если свойственное немцу сверхчеловеческое отрицание конечного, т. е. слишком человеческого, иными словами, если его исконный протестантизм не примет форму преображающего наличный мир искусства, а, отбросив высокие формы, наоборот, вступит в союз с архаическими силами, то он вырождается в дикое варварство, квинтэссенцией которого и стал немецкий фашизм. «Где высокомерие интеллекта соединяется с архаикой, там появляется черт» (МАНН 1960: 312).

Таков в общих чертах сценарий, приведший немецкую самоуглубленность от Лютера к Гитлеру. Но всегда ли Германия отвергала мир внешний, мир демократии, политического мужества и гражданской свободы?

Нет, не всегда. В ее истории, — напоминает Манн, — были и великие примеры гражданской солидарности и высокого сотрудничества. К их числу он причисляет Тильмана Рименшнейдера и говорит о нем: Рименшнейдер — набожный и искусный ваятель и резчик, создававший чудесные по красоте и изяществу деревянные фигуры, алтарные изображения, жил как и Лютер в XVI в. Не будучи вождем масс и демагогом, но идя на встречу настойчивым просьбам своих сограждан, он согласился стать членом городского магистрата. И когда крестьянское восстание 1525 года приблизилось к стенам его родного города Вюрцбург, он отказался выполнить приказ епископа о его подавлении. Ясно сознавая последствия этого решения, он тем не менее

«пожертвовал собственной свободой, безмятежностью своего существования во имя того дела, которое для него было выше искусства и душевного покоя» (Ibid.: 313).

После разгрома восстания власть имущие с лихвой с ним расквитались: Рименшнейдера бросили в тюрьму, истязали, ему изуродовали руки, и он не мог больше создавать свои прекрасные фигуры. «Рименшнейдеру, — говорит Манн, — «принадлежит вся моя любовь» (Ibid.: 313).

Другим немцем, примирившим «внешнюю» Германию с внутренней, музыку с политикой был И. В. Гёте, олицетворяющий собой

«цивилизованную мощь, народную силу, урбанистический демонизм, дух и плоть в одно и то же время, иначе говоря — искусство...» (Ibid.: 310).

Вся поэзия и правда его жизни, его «гештальт» (Ф. Гундольф) преодолевает извечный дуализм немецкой души, ибо в них сочетаются принципы аристократизма и демократизма, культуры и цивилизации, а холодная духовность индивидуального творчества вступает в союз с душевным теплом человеческого содружества. В этом союзе, который именуется гуманизмом и выходит за рамки буржуазной демократии, Манн видит надежду на возрождение Германии и ее народа.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Художественная литература. М.: Художественная литература, 1979. [Heine, Heinrich. (1979) *Stikhotvoreniya. Poemy. Proza.* (Heine H. Poetry. Poems. Prose.) Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гёте И. В. Ксении. (пер. В. Топорова) // Гёте И. В. Собрание сочинений в 10 т. Т. I. М.: Художественная литература, 1975. С. 240—244. [Goethe, Johann Wolfgang. (1975) *Ksenii (Xenien)*. In Goethe, J. W. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Гучинская Н. О. Мистическое богословие Мастера Экхарта. // Мастер Экхарт. Проповеди и трактаты / пер. со средневерхненемецкого, вступительная статья и комментарии Н. О. Гучинской. СПб.: Церковь и культура, 2001. С. 6—39. [Guchinskaya, Nina O. (2001) *Misticheskoye bogosloviye Mastera Ekkharta* (The Mystical Theology of Master Eckhart). In Guchinskaya, Nina O. (trans., ed.) *Master Ekkhart Propovedi i traktaty* (Master Eckhart Sermons and Treatises). Saint Petersburg: Tserkov' i kul'tura (Church and Culture), 6—39. (In Russian)].
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. //

- Кант Иммануил. Сочинения в 6 т. Т. VI. М.: Мысль, 1966. С. 5—23. [Kant, Immanuel. (1966) *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* (Idea of the Universal History from the Cosmopolitan Viewpoint). In Kant, Immanuel. *Sochineniya* (Works). In 6 vols. Vol. 6. Moscow: Mysl', 5—23. (In Russian)].
- Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. X. М.: Художественная литература, 1960. С. 303—326. [Mann, Thomas. (1960) *Germaniya i nemtsy* (Germany and the Germans). In Mann, Thomas. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 10 vols. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 303—326. (In Russian)].
- Манн Т. Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. [Mann, Thomas. (2015) *Razmyshleniya apolitichnogo* (Reflections of a Non-political Man). Moscow: AST. (In Russian)].
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1990. С. 238—406. [Nietzsche, Friedrich. (1990) *Po tu storonu dobra i zla* (Beyond Good and Evil). In Nietzsche, Friedrich. *Sochineniya* (Works). In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 238—406. (In Russian)].
- Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. [Novalis. (2014) *Fragmenty* (Fragments). Trans. by Aleksey V. Volskiy. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)].
- Bahr, Hermann. (1925) *Liebe der Lebenden. Tagebücher 1921 — 1923*. In 3 Bd. Bd. 1. Hildesheim: Franz Borgmeyer.
- Bollnow, Otto Friedrich. (1953) *Unruhe und Geborgenheit im Weltbild neuerer Dichter*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
- Borchmeyer, Dieter. (2019) *Was ist deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst*. Berlin: Rowohlt.
- Christoffel, Ulrich. (1940) *Deutsche Innerlichkeit*. München: Piper Verlag.
- Eckermann, Johann Peter. (1999) *Gespräche mit Goethe*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Elias, Norbert. (2005) Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. v. Michael Schröter. In Elias, Norbert. *Gesammelte Aufsätze*. Bd. 11. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Hellingrath, Norbert. (1922) Hölderlin und die Deutschen. In Hellingrath, Norbert. *Zwei Vorträge*. München: Hugo Bruckmann Verlag, 10—48.
- Humboldt, Wilhelm. (1994) Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. In Humboldt, Wilhelm. *Werke*. In 5 Bänden. Stuttgart: Cotta, 368—757.
- Kahler, Erich. (1937) *Der deutsche Charakter in der Geschichte Europas*. Zürich:

- Europa-Verlag.
Meinecke, Friedrich. (1908) *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München: R. Oldenbourg.
Plessner, Helmuth. (1959) *Die verspätete Nation. Über die Verfährbarkeit bürgerlichen Geistes*. Stuttgart: W. Kohlhammer.
Schiller, Friedrich. (1962) *Sämtliche Werke*. In 5 Bd. Bd. 1. München: Hanser.
Wagner, Richard. (1868) *Deutsche Kunst und deutsche Politik*. Leipzig: J. J. Weber.

Aleksey L. Volskiy
Herzen Russian State Pedagogical University

Diverse Identity: the Motives of the German National Myth

The German national myth created by modernism is based on the idea of the dualism of the German soul and the dualism of Germany itself, bifurcated between reality and the ideal, or, according to Thomas Mann, between politics and music. The article examines some vivid examples of the interpretation of the German national myth, analyzes the problem of its genesis, formation and crisis, compares it with the conceptual pair of culture and civilization. The final part of the article is devoted to the interpretation of the German national myth in Mann's report "Germany and the Germans" (1945), containing a criticism of the idea of two Germanies.

Keywords: national myth; Germany; culture; civilization; inwardness; art

Для цитирования:

Вольский А. Л. Многоликая идентичность: размышления на тему немецкого национального мифа // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 385—400.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-385-400.

To cite this Article:

Volskiy, Aleksey L. (2022) *Mnogolikaya identichnost': razmyshleniya na temu nemetskogo natsional'nogo mifa (Diverse Identity: the Motives of the German National Myth)*. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists)*, 19, 385—400. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-385-400.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; принята к публикации 28.01.2022

The article was submitted 29.12.2021; accepted for publication 28.01.2022